

Ю.Е. Барбакадзе

Г. Ибсен и М. Горький: в поисках героя («Росмерсхольм» и «Дети солнца»)

Пьесы Ибсена «Росмерсхольм» (1886) и Горького «Дети солнца» (1905) сопоставлены в статье как на основании содержащейся в них критики героя-интеллекта (гораздо более резкой у Горького), так и драматургической техники, важнейшим элементом которой является дискуссия.

Ключевые слова: новая драма; тип героя; дискуссия; трагическое; комическое.

Генрика Ибсена (1828–1906) считают родоначальником литературного и театрального направления «новая драма», к которому исследователи относят прежде всего его пьесы о современной жизни, создаваемые с конца 1870-х гг. в третий и четвертый периоды творчества [5: с. 193–194]. Как доказывал Б. Шоу в своей работе «Квинтэссенция ибсенизма» (1922), «идеалам-маскам» (т. е. ходячей морали, не соответствующей жизненным реалиям) противостоит «реализм»; антитеза *реализм/идеализм* — сквозная в указанный период. Его главные и любимые герои обычно находятся вначале в плену ходячих представлений и иллюзий, но постепенно и часто слишком поздно прозревают, и это позднее прозрение и раскаяние — источник трагизма. «Так как идеализм, — пишет Шоу, — составляет у Ибсена слабость наиболее высоких человеческих характеров, то самыми трагическими примерами тщеславия, эгоизма, безумия и жизненных неудач выступают у него не банальные злодеи, а люди, которые в обычном романе или мелодраме были бы положительными героями. Бранд и Росмер, виновные в гибели тех, кого они любят, предстают в благородном обличе преследуемых Роком добрых героев Софокла или Шекспира» [11: с. 47–48].

Антитезе *реализм/идеализм* (т. е. совокупность ложных идеалов, таких, например, как святость, ненарушимость брака) соответствует «новая драматургическая техника в пьесах Ибсена» [11: с. 65]. Не интрига, но дискуссия, столкновение взглядов, вынесение проблемы на суд зрителей, а также глубокий психологизм и символика — вот что привлекало Ибсена, а вслед за ним

и близких ему драматургов: М. Метерлинка, считающего, что «настоящая трагедия жизни... начинается только тогда, когда то, что называется приключениями, печалью и опасностями, миновало» [9: с. 60], а также А. Стриндберга, Г. Гауптмана, наконец, Б. Шоу. В России же самым видным представителем новой драмы стал А.П. Чехов (хотя он не был поклонником Ибсена), а потом М. Горький, чья «учеба» у Чехова (начиная с пьесы «На дне», 1902) помогла созданию большого цикла пьес, богатых спорами, дискуссиями между героями, пьес с открытым финалом. На наш взгляд, драма «На дне», с ее сквозной проблемой: *правда/ложь* — по своей проблематике ближе к «Дикой утке» Ибсена, чем «Дикая утка» к «Вишневому саду» [6: с. 20–30].

Сопоставимы и «Дети солнца» с «Росмерсхольмом» — прежде всего по типу героя-интеллекта, проблеме интеллигенции и народа. Термин «тип» мы используем для обозначения целого ряда, многих персонажей, наделенных индивидуальными характерами, имеющих, однако, общую доминанту. «Используя структуралистскую терминологию, — пишет Л.В. Чернец, — можно считать тип персонажа (в пределах определенного периода или более продолжительного времени) *инвариантом*, узнаваемым во многих вариациях» [10: с. 9]. Конечно, многоперсонажная пьеса Горького контрастирует с камерным «Росмерсхольмом», где действие происходит в одном месте — старинном доме Росмера, куда по очереди являются визитеры и где много внесценических лиц, но тематически и проблемно пьесы созвучны.

Характерной особенностью пьесы «Росмерсхольм» (как и ряда других пьес Ибсена) является сочетание новаторских приемов (важнейший из них — дискуссия) с традициями «хорошо сделанной пьесы», в стиле Э. Скриба. В «Росмерсхольме» — четкий, интригующий сюжет, драматическое напряжение растет от акта к акту, текст пронизан лейтмотивами, окольцован (мотив «белых коней»). О. Вальцель приводит эту пьесу как образцовую по стройности композиции [7: с. 44–47]. Этого нельзя сказать о «Детях солнца», где переплетено несколько сюжетных линий, где много эпизодических лиц.

Ибсена особенно волнуют внутренние конфликты, тайны прошлого, постепенно выясняющиеся и меняющие отношения между персонажами. Как и у Чехова, общество, массы являются у него скорее фоном, на котором развивается основной конфликт. Внимание зрителя приковано к немногим основным героям, постепенно воссоздается образ трагически погибшей жертвы — образ Беаты, жены Росмера, принесенной на алтарь любви Росмера и Ребекки, что первый почти не осознавал при ее жизни.

В пьесах Горького внешние и внутренние конфликты героев, их психологические проблемы гораздо более тесно переплетены с окружающей действительностью, с ситуацией в стране и настроениями общества. Напомним, что черновой вариант пьесы писался Горьким в Петропавловской крепости сразу после глубоко потрясших его событий 9 января 1905 г., о чем он сообщал в письме А.В. Амфитеатрову (в феврале между 17 и 20 марта) 1905 г.:

«...я просидел свой месяц хорошо, даже написал за это время трагикомедию “Дети солнца”, которая, кажется, удалась мне, но отобрана у меня Департаментом полиции “для просмотра”. Очень беспокоит меня судьба этой рукописи...» [4: с. 276]. Над окончательным текстом Горький работал еще два месяца, а поставлена она была в МХТ 24 октября 1905 г., в первые дни революции. По воспоминаниям Н.Д. Телешова, массовка в сцене холерного бунта была принята зрителями «за толпу черносотенцев» [4: с. 287].

В отличие от Ибсена, Горький, вообще тяготеющий к многоперсонажности, в «Детях солнца» особенно подчеркивает социальную неоднородность общества, пьеса замечательна пестротой речевых стилей (слесарь Егор, Мелания, слуги и др.). Если в пьесе «На дне» социальный статус персонажей примерно одинаковый (все — ночлежники, почти нищие, за исключением разве Васьки Пепла), то в «Детях солнца» ярко показан конфликт разных сословий в русском обществе того времени; видно, как в нестабильные предреволюционные годы нарастает напряжение между дворянами, живущими «в старом барском доме», и их окружением — и бедняками, и нуворишами.

Но и в пьесах Ибсена главные герои не существуют изолированно от окружающих, общество разнородно (показательно быстрое охлаждение состоятельных жителей к доктору Штокману в пьесе «Враг народа»). У героев Ибсена почти всегда есть своя «идеология», направленная не только на решение личных проблем и устройство собственной жизни, но и на улучшение жизни людей во всем мире.

Главный герой «Росмерсхольма» пастор Йуханнес Росмер — противоречивая фигура: с одной стороны, глубокий мыслитель, умный человек, мечтающий изменить мир к лучшему, с другой — надломленный, со слабой, «больной» совестью, глубоко запутавшийся в самом себе. Его терзает разочарование в религии, вина перед погибшей женой, страх разрушения всех его замыслов, и даже любовь Ребекки Вест в конце концов оборачивается для него трагедией, жизнь теряет смысл. Вместе с любовью и доверием к людям уходит вера в себя, остается ощущение собственной несостоятельности и бесплодности всех усилий. С воплощением идеи о том, как «сделать всех людей в стране людьми благородными» [2: с. 763], — тоже неудача. С одной стороны, на Росмера ополчается его прежний лучший друг Кролл (представляющий консервативную общественность), называя его предателем чести рода; с другой — кружок, который Росмер считал прогрессивным и поддерживал, тоже стал требовать «игры по правилам», в соответствии с планами местного демократического идеолога Мортенсгора. Но тот преследует в первую очередь цели политические и потому склонен к компромиссам: он резко выступает против того, чтобы Росмер порвал с церковью: «наша партия приобретает сильную моральную поддержку в лице каждого нового сторонника — из серьезных, верующих людей» [3: с. 778]. Не поиск истины, а прагматика движет этим идеологом. Росмер же не заинтересован в борьбе партий, для него важнее всего

этический аспект: «Никакой вражды, ожесточенной борьбы. Только благородное соревнование. Все взоры направлены на одну цель. Воля всех, умы всех устремлены вперед... ввысь... Каждый идет своим, естественным для него, необходимым путем. Счастье для всех — создаваемое всеми» [2: с. 796]. Ребекка оказывается единственным человеком, который понимает суть устремлений Росмера, верит в него и готова строить будущее с ним вместе, но она сама заражена «больной совестью», а в прошлом у нее — тайны. «Росмерсхольм сломил меня» [2: с. 813], — признается она.

Как объяснял идею пьесы сам Ибсен (в письме Бьерну Кристинсену от 13 февраля 1887 г.), «...в “Росмерсхольме” проходит идея призыва к труду. Но, кроме того, пьеса говорит о той борьбе, которую должен выдержать сам с собою каждый серьезный человек, чтобы привести в гармонию свою жизнь со своим сознанием» [3: с. 723]. Социальные противоречия проходят сквозным мотивом через всю пьесу: хоть в Норвегии и не было таких жарких конфликтов, как в России, не было революции, но страна активно стремилась к независимости от Швеции, обстановка в государстве была беспокойная. Набирал силу рабочий класс, часто происходили восстания (самым активным агитатором в их пользу был Маркус Тране (1817–1890), бедняки требовали улучшения условий труда, участия в работе парламента; им активно противостояли консерваторы и демагоги (в пьесе Ибсена — ректор Кролл, «демократ» Мортенсгор).

Росмер оказывается беспомощным и одиноким в этом раскладе сил — подобно Протасову в «Детях солнца». Но если Росмер — георой *трагический*, то Протасов — *трагикомический* (характерно, что Горький сначала называл пьесу трагикомедией). Общение Протасова со слесарем Егором и Меланьей, даже с женой и сестрой подчеркивает его сосредоточенность на самом себе и своей «химии». Это диалоги на разных «языках», и они глубоко комичны.

Из всех предреволюционных пьес Горького «Дети солнца» — наиболее наглядный пример поражения «героя-идеолога». Увлеченный своей наукой, совсем не замечающий начинающихся народных волнений, Протасов мечтает об улучшении общества, о том, как люди приобретут сверхчеловеческие черты, став «детьми солнца»: «Но мы, мы, люди, дети солнца, светлого источника жизни, рожденные солнцем, мы победим темный страх смерти! Мы — дети солнца! Это оно горит в нашей крови, это оно рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений, оно — океан энергии, красоты и опьяняющей души радости!» [1: с. 267]. «Антропоцентризм Горького, — отмечает Ю.В. Зобнин, — органически связан с культом «необыкновенного человека» в его раннем творчестве. Но теперь личностное утверждение горьковских героев непосредственно связано с их культурно-созидательной деятельностью, рассматриваемой как экзистенциальный конфликт человека — носителя гармонии с «хаотической средой», окружающей его» [8: с. 385].

Однако в отличие от поисков героя Ибсеном в его последние два творческих периода, Горький больше внимания уделяет *коллективному* началу — взаимоотношениям героя и общества, попыткам героя вмешаться в жизнь других персонажей и изменить ее к лучшему (у героев Ибсена эти помыслы так и остаются неосуществленными). Протасов мало напоминает «сильного героя». Его честность вызвана не любовью к «правде», а наивностью почти детской (Меланья постоянно называет его «дитя неразумное») и отрешенностью от «земного мира»: он не может интриговать, что-то скрывать или чего-то стыдиться просто потому, что не умеет. Для него жизнь — это его химия, происходящее во внешнем мире Протасов попросту не замечает. Оттого он так удивлен тем, что Елена считает себя нелюбимой им. Готовность жены уйти от него ставит его в тупик, он мечется и нервничает: «Честное слово, Лена! Но мне так некогда... Послушай, ведь это несерьезно у тебя!.. Я понимаю, ты обижена... прости, извини, забудь! Ведь если ты уйдешь, я буду думать, где ты, что с тобой... а мои работы? Ты меня изувечишь, Лена... как же мои работы? Ведь или работать, или думать о тебе...» [1: с. 289]. Выслушав сердечные излияния Меланьи, Протасов почти в панике, он не знает, что делать, и единственный выход находит в предложении: «Давайте-ка выпьем чаю!». Он не замечает сумасшествия своей сестры, и, когда она, безумная, выходит и поет, он только замечает, что песня — красивая.

Обе пьесы состоят из четырех действий, однако жанр «Росмерсхольма» определен как драма, а Горький назвал «Детей солнца» сценами. По сюжету действие обеих пьес происходит в течение трех дней. Описания декораций, в традициях новой драмы, — подробные. Но основное сходство пьес — в их проблематике. Герои стремятся изменить мир к лучшему, но они неспособны это сделать. У Ибсена это идея Росмера, поддерживаемая Ребеккой, о том, как «сделать всех людей в стране людьми благородными»: вражду и взаимную неприязнь людей заменить «благородным соревнованием», всех людей сделать едиными в достижении общей цели. У Горького — романтическая мечта, высказанная Еленой Протасовой, о «детях солнца»: «Вы знаете, порой мне грезится такое полотно: среди безграничного моря — идет корабль; его жадно обнимают зеленые, гневные волны; а на носу его и у бортов стоят какие-то крепкие, мощные люди... Просто — стоят люди, — все такие открытые, бодрые лица, — и, гордо улыбаясь, смотрят далеко вперед, готовые спокойно погибнуть по пути к своей цели...» [1: с. 262]. Так описывает этих людей Елена; ее мысли подхватывает Протасов: «Мы — дети солнца! Это оно <...> рождает гордые, огненные мысли, освещая мрак наших недоумений» [1: с. 267]. Вагин, вдохновленный этими речами, сочиняет жизнеутверждающее стихотворение: «Как искры в туче дыма черной, / Средь этой жизни мы — одни. / Но мы в ней — будущего зерна! / Мы в ней — грядущего огни! / Мы дружно служим в светлом храме / Свободы, правды, красоты — / Затем, чтоб гордыми орлами / Слепые выросли кроты...» [1: с. 268].

Идеи Росмера и Ребекки, Протасовых и Вагина оказываются почти одинаковыми: и «благородные люди» Росмера, и «дети солнца» Протасовых — это избранные люди, гордые, но любящие, сильные, миролюбивые, однако готовые умереть за идею. В их жизни общественное и индивидуальное, личное вступают в непримиримый конфликт: мечтая изменить общество, они игнорируют вторгающуюся в их тесный мирок реальность с ее проблемами, отрешаются от нее, оставаясь индивидуалистами. В стремлении к улучшению мира и человечества индивидуализм оказывается все-таки разрушителен. Ибсен, оставаясь до самого конца певцом индивидуализма, не видит способа, как его героям вылечить свою «большую совесть». Так и Горький заканчивает свою пьесу очень печально — стихами безумной Лизы. Ни Росмер, ни Протасов, при всем их личном благородстве, истинными героями быть не могут.

Библиографический список

Источники

1. Горький М. Собр. соч.: в 18 т. Т. 16. М.: Гослитиздат, 1963. 468 с.
2. Ибсен Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1957. 856 с.
3. Ибсен Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Искусство, 1958. 776 с.
4. Переписка М. Горького: в 2 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1986. 480 с.

Литература

5. Аникст А.А. Теория драмы на Западе во второй половине XIX века. М.: Наука, 1988. 312 с.
6. Барбакадзе Ю.Е. Г. Ибсен и М. Горький: спор о правде и лжи // Русский язык и литература для школьников. 2014. № 10. С. 20–30.
7. Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пб.: Academia, 1923. 72 с.
8. Зобнин Ю.В. М. Горький // Русские писатели XX века. Библиографический словарь: в 2 ч. / под ред. Н.Н. Скатова. Ч. 1: А–Л. М.: Просвещение, 1998. 783 с.
9. Метерлинк М. Сокровище смиренных. Томск: Водолей, 1994. 256 с.
10. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 8–16.
11. Шоу Б. О драме и театре. М.: Искусство, 1963. 640 с.

References

Istochniki

1. Gorki M. Sobr. soch.: v 18 t. T. 16. M.: Gospolizdat, 1963. 468 s.
2. Ibsen G. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3. M.: Iskusstvo, 1957. 856 s.
3. Ibsen G. Sobr. soch.: v 4 t. T. 4. M.: Iskusstvo, 1958. 776 s.
4. Perepiska of M. Gorki: v 2 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1986. 486 s.

Literatura

5. *Anikst A.A.* Teoriya dramy' na Zapade vo vtoroj polovine XIX v. M.: Nauka, 1988. 312 s.
6. *Barbakadze Yu.Ye.* H. Ibsen i M. Gorkij: spor o pravde i lzhi // Russkij yazy'k i literatura dlya shkol'nikov. 2014. № 10. S. 20–40.
7. *Wal'cel'O.* Problema formy' v poe'zii. Pb.: Academia, 1923. 72 s.
8. *Zobnin Yu.V.* Gorkij M. // Russkie pisateli XX veka. Bibliograficheskij slovar': v 2 ch. M.: Prosvetshenie, 1998. Ch.1: A–L. 783 s.
9. *Meterlink M.* Sokrovische smirenn'y'x. Tomsk: Vodolej, 1994. 256 s.
10. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego e'voluciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Zvy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (24). S. 8–16.
11. *Shou B.* O drame i teatre. M.: Iskusstvo, 1963. 640 s.

Yu.E. Barbakadze

**H. Ibsen and M. Gorky: in Search of the Hero
(«Rosmersholm» and «Children of the Sun»)**

In the article, H. Ibsen's play «Rosmersholm» (1886) and M. Gorky's play «Children of the Sun» (1905) are compared on the basis of contained criticism of a character from Intelligentsia (more evident in Gorky's play) as well as of dramaturgical techniques, the most important element of which is a discussion.

Keywords: new drama; type of a hero; discussion; tragical; comical.